

С.Ю. Тютюкин,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН

Сергей Юльевич Витте
и революция 1905—1907 гг. в России

Россия начала двадцатое столетие с острейшего конфликта между властью и обществом, вылившегося в первую в отечественной истории революцию 1905-1907 гг. Она не была нелепой случайностью или результатом заговора кучки экстремистов-интеллигентов. Налицо был глубокий кризис в ходе модернизации страны, которая все чаще наталкивалась на кос-

¹ *Победоносцев К.П.* Указ. соч. С. 182.

ность и социальную сверхангажированность самодержавной системы. Власть оказалась не в состоянии идти в ногу со временем и эффективно выполнять роль регулятора общественных отношений и стража государственного порядка. Руководящие принципы ее организации, приоритеты и механизмы функционирования давно уже стали анахронизмом, однако российские "верхи" до последней возможности сопротивлялись радикальным преобразованиям. В России явно назревал передел собственности, привилегий, прав и обязанностей граждан (если, конечно, подданных русского царя можно было считать гражданами в современном понимании этого слова), а в конечном счете и передел власти. В стране существовал запутанный клубок социальных, национальных и политических проблем, решить которые можно было либо вторым, еще более радикальным и всеобъемлющим изданием Великих реформ, либо, в случае неготовности властных структур к столь решительным и быстрым действиям, экстремистским, революционным путем. Российские "верхи", как это ни парадоксально, сами подтолкнули народ к революции, начавшейся в январе 1905 г. и достигшей к осени своей критической, кульминационной точки.

Именно в этот момент, когда антагонизм власти и общества достиг своего апогея и лозунг "Долой самодержавие!" не только стал главным требованием миллионов россиян, но и был подкреплен реальными массовыми актами неповиновения власти со стороны участников Всероссийской октябрьской стачки, на политической авансцене вновь появилась уже хорошо знакомая обществу фигура графа С.Ю.Витте. Добившись на переговорах в Портсмуте определенного успеха при заключении русско-японского мирного договора после бездарно проигранной царизмом войны с маленькой, но динамично развивавшейся страной восходящего Солнца, Витте был тогда в глазах многих настоящим спасителем Отечества, которому одному только и было под силу справиться с революцией.

По масштабу своих замыслов и колоссальной энергии это был второй после М.М.Сперанского крупнейший российский реформатор XIX — начала XX в., причем результативность его работы была явно выше, чем у шедшего по его стопам П.А.Столыпина. С.Ю.Витте стал "отцом" российской индустриализации, практически завершившей в стране промышленный переворот и ознаменовавшей ее превращение в одну из сильнейших в экономическом отношении держав мира. Он много сделал для оздоровления финансовой системы России, энергично способствовал железнодорожному строительству, развитию инженерного образования, защите интересов отечественных предпринимателей. Идеи Витте и его соратников легли в основу и знаменитой столыпинской аграрной реформы.

Вместе с тем на примере Витте отчетливо видно, как непросто и в общем трагично складывалась судьба всех крупных российских реформаторов, которые по рукам и ногам были скованы монаршей

волей и капризом, целиком зависели от одобрения или, наоборот, неодобрения их планов царем и членами его семьи и не могли вырваться за строго очерченные рамки существующей системы. Внутренне презирая Николая II, С.Ю.Витте одновременно боялся его, льстил ему, заискивал перед ним, лицемерил, политиканствовал. Это был карьерист и интриган, действовавший по правилам, по которым вынуждена была играть тогда российская бюрократическая элита, старавшаяся любой ценой приспособиться к истинно "византийским" нравам императорского Двора. Именно поэтому Витте так часто был неискренним, "скользким", непостоянным, беспринципным.

С.Ю.Витте стоял как бы на грани двух эпох — феодальной и капиталистической и двух миров — придворно-бюрократического и промышленно-финансового, а в его мировоззрении причудливо переплетались старый славянофильский национал-патриотизм, буржуазный космополитизм и бравший верх в решающие, судьбоносные для страны и лично для него самого минуты безыдейный прагматизм. Вот эта странная на первый взгляд смесь живого чувства и холодного расчета, замешанная на феноменальном честолюбии и довольно мощном интеллекте, и определяла все поведение этого выдающегося человека, которого "сердце" толкало к консерваторам, а "рассудок" — к либералам, который думал часто одно, а делал совсем другое и который, в конце концов, всегда оставался государственным и защитником монархии, хотя своими действиями объективно во многом помогал разрушению самодержавного строя.

Только понимание этой внутренней противоречивости фигуры С.Ю.Витте дает ключ к разгадке многочисленных и парадоксальных зигзагов его политической деятельности в период первой российской революции, достаточно подробно и глубоко проанализированной в недавних работах Б.В.Ананьича, Р.Ш.Ганелина, А.П.Корелина, А.В.Игнатьева, А.Н.Боханова, С.А.Степанова и ряда других отечественных и зарубежных историков¹.

Уже накануне революции С.Ю.Витте четко сформулировал свою политическую программу, которую он, как председатель Комитета министров (пост почетный, но не дававший реальной власти), намерен был проводить в жизнь после обнародования известного царского указа от 12 декабря 1904 г., подготовленного при его непосредственном и в некоторых отношениях решающем участии (напомним, что именно он склонил Николая II к тому, чтобы отвергнуть предложение о приглашении в Государственный Совет представителей общественности, предупредив царя о том, что такое решение может стать первым шагом к столь пугавшей верховную власть консти-

---

¹ См.: *Игнатьев А.В.* С.Ю.Витте — дипломат. М., 1989; *Корелик А.Л., Степанов С.А.* С.Ю.Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999; *Сергей Юльевич Витте — государственный деятель, реформатор, экономист.* Ч. 1-2. М., 1999; и др.

туции). В письме К.П.Победоносцеву, признавая, что "нужно удовлетворить наболевшие потребности", он тут же подчеркнул: "Нужно, чтобы публика знала и чувствовала, что есть правительство, которое знает, что оно хочет, и обладает волею и кулаком, чтобы заставить всех поступать согласно своему желанию"¹.

Именно в таком духе действовал С.Ю.Витте и накануне Кровавого воскресенья, отказавшись вмешаться в действия царской администрации, чтобы предупредить готовившееся кровопролитие, о чем вечером 8 января 1905 г. просила его группа представителей петербургской либерально-демократической интеллигенции, хотя позже он всячески давал понять, что не одобряет действия Николая II и его окружения и что, будь он, Витте, у власти, ничего подобного произойти просто не могло².

В дальнейшем С.Ю.Витте использовал начавшуюся революцию для усиления нажима на царя в целях создания в России объединенного правительства — Совета министров, надеясь получить при этом пост премьера. Что же касается других, более радикальных реформ, то с их проведением он явно не торопился.

Звездным часом Витте стало 17 октября 1905 г., когда он все-таки добился подписания Николаем II ставшего историческим Манифеста о предоставлении гражданам России политических свобод и придании будущей Государственной Думе законодательных функций.

В те драматические для власти дни Николай II оказался перед выбором: либо ввести в стране режим военной диктатуры, либо уступить общественному мнению и встать на путь конституционных преобразований. Отбросив прежние колебания и сомнения, С.Ю.Витте выступил решительным сторонником второго сценария.

Конечно, главным "агитатором" в пользу конституции стала в октябре 1905 г. сама революция, но надо отдать должное и С.Ю.Витте, который проявил твердость: фактически он предъявил царю ультиматум и добился Победы. При этом была пущена в ход и некая хитроумная интрига: С.Ю.Витте инспирировал встречу великого князя Николая Николаевича, главного потенциального кандидата на роль военного диктатора, с рабочим Ушаковым, убедившим дядю царя в том, что нужно принять план Витте. Вслед за этим последовала многократно описанная в исторической литературе беседа Николая II с Николаем Николаевичем, в ходе которой последний буквально заставил царя согласиться с С.Ю.Витте, решительно отказавшись возглавить подавление революции силой оружия³. Так или иначе, Витте удалось добиться подписания ма-

¹ Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 109.

² См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 161-162.

³ См.: *Островский А.В.* С.Ю.Витте, М.А.Ушаков. К истории манифеста 17 октября 1905 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX века. СПб., 1999. С. 364-374.

нифеста в той редакции, которую предложили царю он сам и его сотрудники, торпедировав при этом контрпроекты манифеста, составленные более верными Николаю II сановниками, в частности давним врагом С.Ю.Витте И.Л.Горемыкиным.

Вот как описывал все происходившее накануне 17 октября 1905 г. в письме к матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, сам Николай II: "Витте горячо отстаивал этот (конституционный. — С.Т.) путь, говоря, что хотя он и рискованный, но тем не менее единственный в настоящий момент. Почти все, к кому я ни обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода, кроме этого, нет. Он прямо объявил, что если я хочу его назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать. Манифест был составлен им и Алексеем Оболенским. Мы обсуждали его два дня, и, наконец, помолвившись, я его подписал"¹.

Видимо, не будет преувеличением сказать, что при самом деятельном участии С.Ю.Витте российское общество, за которым в тот момент стояла мощная, но пока еще далеко не всесильная революционная стихия, вырвало у царя максимум реально возможных в данной ситуации уступок, окончательно закрепленных в апреле 1906 г. в виде новой редакции Свода основных государственных законов Российской империи, официально положивших конец неограниченной власти царя, хотя он и продолжал именоваться самодержцем.

В качестве основного закона государства этот последний документ вполне может быть охарактеризован как Конституция России, точно так же, как Государственная Дума может считаться первым российским парламентом. Вместе с тем нужно учитывать, что в начале XX в. в оппозиционных и радикальных кругах России было распространено и более узкое понимание конституционного строя, атрибутами которого являлись строгое соблюдение закона, наличие у граждан демократических свобод, парламента, ответственного перед ним правительства и т.д. Естественно, основные законы 1906 г. и Государственная Дума России таким высоким критериям конституции и парламента не соответствовали, чем и объясняется, в частности, их оценка радикальными партиями как "лжеконституции" и "лжепарламента", вошедшая затем в советскую историографию. В последние годы ситуация стала заметно меняться, и ныне во многих трудах российских обществоведов подобные уничижительные характеристики уже отброшены, хотя существенные изъяны царской конституции и царского парламента, по сравнению с их западными аналогами, очевидны.

В Манифесте 17 октября 1905 г. было объявлено о создании в России объединенного правительства — Совета министров, пред-

---

¹ Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 167-168.

седателем которого, как и ожидалось, был назначен С.Ю.Витте, поставивший целью, с одной стороны, успокоить общество и заверить его в твердом намерении правительства продолжать курс реформ, а с другой — недвусмысленно заявить радикалам о том, что попытки дальнейшей дестабилизации существующего в России общественного и государственного строя будут немедленно и жестко пресекаться.

Позицию С.Ю.Витте критиковали и справа, и слева. В октябре 1905 г., как бы оправдываясь перед представителями консервативных сил, он писал: "Никто не хочет понять, что, настаивая на Манифесте 17 октября, я — убежденный поклонник самодержавия как лучшей формы правления для России — поступался моими симпатиями во имя спасения Родины от анархии и династии от гибели. Представителям последней я бросил среди бушующего моря спасательный поплавок, за который им и пришлось ухватиться"¹. При этом уступкам власти левым силам сразу же были поставлены четкие границы: последнее слово в решении важнейших политических и социально-экономических вопросов оставалось за царем, министры по-прежнему были ответственны только перед монархом, права Думы были сильно урезаны, а круг избирателей ограничен.

Характерно, что уже в первый день своего премьерства, 19 октября 1905 г., С.Ю.Витте пошел на беспрецедентный для царского сановника столь высокого ранга шаг, организовав встречу с редакторами центральных столичных газет. Он уже давно понял, какой мощной силой является в современном обществе печать, и решил сделать ее своей союзницей в деле успокоения общества, поддержка которого была залогом успеха его деятельности на посту главы правительства. Однако в ответ премьер услышал нечто такое, что заставило его насторожиться, — требования полной свободы печати, амнистии всем политзаключенным, вывода из Петербурга стянутых туда для подавления революции войск. Реакция С.Ю.Витте была достаточно резкой и, в общем, негативной. Например, он сказал журналистам: "Увести войска? Нет, лучше остаться без газет и без электричества"². В очень осторожной форме С.Ю.Витте лишь выразил понимание постановки вопроса об амнистии, которая действительно была объявлена через три дня, 21 октября, и позволила вернуться на Родину ряду видных революционеров-эмигрантов. Что касается свободы печати, то она в первые недели после 17 октября осуществлялась практически явочным порядком, хотя вскоре правительство вновь стало прибегать к разного рода репрессивным мерам против оппозиционной и тем более революционной печати.

Пытаясь успокоить общественность, С.Ю.Витте начал переговоры с рядом оппозиционных деятелей на предмет их вхождения

---

¹ Цит. по кн.: *Корелин А.П., Степанов С.А.* Указ. соч. С. 188.

² Цит. по кн.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 234.

в состав Совета министров. Трудно сказать, чего здесь было больше: демагогии и политической игры или искреннего желания заключить некий деловой союз между здоровой частью российской бюрократической элиты и наиболее авторитетными и знающими представителями обществуности? Однако последние проявили вполне законное недоверие к столь неординарным намерениям С.Ю.Витте, стали выдвигать встречные условия, удовлетворить которые премьер не мог, да, видимо, и не хотел, и в результате вся эта интригуемая кампания закончилась безрезультатно, создав, впрочем, прецедент, которым в дальнейшем воспользовался П.А.Столыпин, потерпевший, однако, такую же неудачу, как и его выдающийся предшественник.

Деятельность С.Ю.Витте на посту председателя Совета министров — это особый и очень интересный сюжет, заслуживающий специального рассмотрения. Из вопросов, получивших в то время положительное решение, можно назвать восстановление автономии Финляндии, некоторое расширение круга избирателей в Государственную Думу, сокращение, а затем, с 1907 г., и полную отмену выкупных платежей для крестьян, введение выборности части членов Государственного Совета, принятие временных правил о союзах и обществах, позволивших, в частности, легализовать профсоюзы и т.д. Трудно переоценить и такое событие, как появление новой редакции Свода основных государственных законов, о чем уже говорилось выше. Все это может быть отнесено к активу кабинета С.Ю.Витте в конце 1905 — начале 1906 г.

С.Ю.Витте работал в то время с предельным напряжением сил и часто был на грани нервного срыва. Особенно трудным партнером по кабинету министров оказался для него главный полицейский России, министр внутренних дел П.Н.Дурново. Очень напряженно складывались у С.Ю.Витте и отношения с Николаем II, который никогда не смог простить ему своего унижения в октябрьские дни 1905 г. и явно не доверял главе правительства. Характерным примером авторитарного вторжения царя в планы С.Ю.Витте был ход обсуждения проекта Николая Кутлера о принудительном отчуждении части помещичьих земель для продажи ее крестьянам. Однако этот план пришел в противоречие со взглядами царя, считавшего частную земельную собственность неприкосновенной. Иницировавший проект Кутлера С.Ю.Витте придерживался совсем иной точки зрения. "Какие-то римляне когда-то сказали, что право собственности неприкосновенно, — заявил он на заседании Совета министров, — а мы целые две тысячи лет повторяем, как попугаи; все, по-моему, прикосновенно, когда это нужно для пользы общей..."¹ Тем не менее царь заставил С.Ю.Витте дать задний ход, и в итоге был взят курс на ломку общины. Однако довести это дело до конца смог уже только П.А.Столыпин после отставки С.Ю.Витте.

---

¹ Цит. по кн.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 251.

В первые недели своего премьерства С.Ю.Витте находился в состоянии некой начальственной эйфории: ему хотелось казаться вездесущим и всемогущим, всем понравиться, всех примирить. В течение полутора месяцев он даже терпел рядом с собой "второе правительство", как часто называли тогда Петербургский Совет рабочих депутатов, пытаясь заигрывать с "братцами рабочими" (ответившими, однако, ему, что в родстве с сиятельным графом не состоят). Но революция продолжалась, и декабрьские баррикады в Москве показали, что рассчитывать на прекращение гражданской войны в стране пока не приходится. В этих условиях еще недавно казавшийся многим чуть ли не "красным" С.Ю.Витте стал быстро эволюционизировать вправо, вспомнив о том самом правительственном "кулаке", которым он грозил обществу в канун 1905 г. Даже Николай II в связи с этим удивлялся хамелеонству С.Ю.Витте, который был готов теперь всех вешать и расстреливать.

С.Ю.Витте так и не решился на введение в России всеобщего избирательного права и не настаивал на привлечении общественности к обсуждению проекта Свода основных государственных законов в 1906 г. При этом очень характерно, что он стремился утвердить его до начала работы I Государственной Думы, опасаясь, что народные избранники подойдут к этому вопросу с более радикальных позиций, чем сама власть.

Последним крупным достижением С.Ю.Витте в разрешении революционного кризиса 1905-1906 гг. стало его участие в получении Россией международного займа в апреле 1906 г., значительно упрочившего ее финансовое положение. Революция постепенно шла на спад. На российской политической сцене вот-вот должна была появиться I Государственная Дума, для работы с которой Николаю II нужен был более жесткий, послушный ему и предсказуемый премьер, чем С.Ю.Витте. Сложилась ситуация, когда С.Ю.Витте не доверяли ни царь, ни либеральная общественность. Росли противоречия и внутри самого правительства, в первую очередь между С.Ю.Витте и П.Н.Дурново. В итоге Николай II, считавший, что С.Ю.Витте сделал свое дело и должен уйти, испытал чувство глубокого облегчения, получив прошение С.Ю.Витте об отставке. 22 апреля 1906 г. С.Ю.Витте был уволен от занимаемой должности, а через пять дней в Петербурге открылась первая сессия Государственной Думы. Эпоха С.Ю.Витте подошла к концу.

Судьба С.Ю.Витте, как и всех крупных российских реформаторов, оказалась глубоко трагичной. В роковом для России треугольнике власть—общество—личность вновь не нашлось места взаимопониманию, уважению и сотрудничеству, без которых нормальные отношения между ними невозможны. С.Ю.Витте оказался как бы между молотом — властью и наковальней — обществом, оставшись невостребованным в полной мере ни одной из этих противоборствующих сил. Тем не менее то, что он сделал для России

на рубеже XIX и XX вв., никогда не должно быть забыто в отечественной истории. С.Ю.Витте был сыном своего времени, своей страны и своего класса со всеми их сильными и слабыми сторонами. Но он смотрел далеко в будущее и работал — как умел и как позволяли ему обстоятельства — для того, чтобы превратить Россию в сильное, процветающее, цивилизованное, правовое государство, занимающее достойное место в мировом сообществе людей.